

оно выше и превосходит единение блаженных с Богом в духе. Ибо с самого начала, будучи зачат как человек, Он был воистину Божьим Сыном, и не имел другого личного бытия, кроме как Божьего Сына. Все же прочие люди, кто имеет естественное личное бытие в своей естественной сущности¹⁵⁰⁴, (как бы полно ни отрекались они от себя и как бы в подлинной чистоте себя ни блюли) — никогда не случится того, чтобы они были перенесены в бытие Божественной личности¹⁵⁰⁵, а свое потеряли. Третье. Сей человек Христос также превзошел всех прочих людей и стал главой христианства, подобно голове человека по отношению к его телу. Как написано: «всех тех, кого предузнал, Он предопределил стать подобными образу Божьего Сына, дабы Он был первородным среди многих других»¹⁵⁰⁶. А потому, кто хочет иметь истинное устремление к истоку и хочет стать сыном в Христе, тот пусть от себя обратится в истинном бесстрастии к Нему, и тогда достигнет того, чего должен. *Юноша*: Господин, что есть истинное бесстрастие? *Истина*: Внимательно различая, обратись к сим двум словам, они звучат так: «отвергнуть себя»¹⁵⁰⁷. Если ты сумеешь эти два слова точно взвесить и испытать в их основе и последнем значении и воззреть на них в правильном различении, то в скором времени ты сможешь познать истину.

Возьми для начала первое слово, то есть «себя» или «меня», и посмотри, что это такое. Следует знать, что каждый человек имеет пятеричное «себя». Первое «себя» у него общее с камнем, и это есть бытие. Другое — с растением, и это есть рост. Третье - со зверями, и это есть ощущение. Четвертое — со всеми людьми, то есть он имеет в себе общее человеческое естество, в котором все едины. Пятое - то, что принадлежит лишь ему, иначе говоря, его личностный человек: как в смысле его благородства, так и в смысле случайности.

Что же это, что приводит человека в заблуждение и лишает его блаженства? Это исключительно последнее «себя», в котором человек обращается от Бога к себе самому, вместо того, чтобы обратиться к истоку, и обосновывает себя самого на случайности личного «себя», то есть в слепоте приписывает себе самому то, что от Бога, и, устремляясь к сему, со временем тает в пороках. Кто же это «себя» воистину захочет отвергнуть, тот да бросит три взгляда. Сначала ему подобает, проникая внутренним взором, узреть ничтожность своего личного «себя» и обнаружить, что его «себя» и «себя» прочих вещей суть ничто, отрешенное и отделенное от чего-то такого, что есть единственно творящая сила. Другой взгляд состоит вот в чем: нельзя упустить, что даже в глубочайшем бесстрастии его личное «себя», в силу происхождения, всегда пребывает в своей тварности¹⁵⁰⁸ и не сможет исчезнуть. Третий взгляд заключается в отречении и добровольном отказе от себя самого во всем том, как он до сих пор себя вел: в своей тварной сущности, в несвободной множественности по отношению к Божественной истине, в любви и страдании, в деянии и покое. Тогда могучим усилием без всякого внешнего действия он от себя отстранится и безвозвратно исчезнет для себя самого и станет со Христом единым в единстве, так что в сем устремлении к истоку он во всякое время из Него станет творить, все восприемля и все в простоте созерцая. И это бесстрастное «себя» станет христоподобным «я», о котором говорится в послании Павла: «Жив я, но уже больше не я, Христос жив во мне»¹⁵⁰⁹. -И это-то я называю совершенным «себя».

А теперь давай рассмотрим другое слово, которое Он произносит: «отвергнуть». Под ним Он разумел «отречься» или «презреть», но не то, чтобы «себя» можно было отвергнуть, дабы оно превратилось в ничто, — нет, только презреть, и тогда будет правильно.

Юноша: Пусть будет Истина благословенна! Любезный господин, скажи мне, остается ли что-нибудь у блаженного бесстрастного человека?